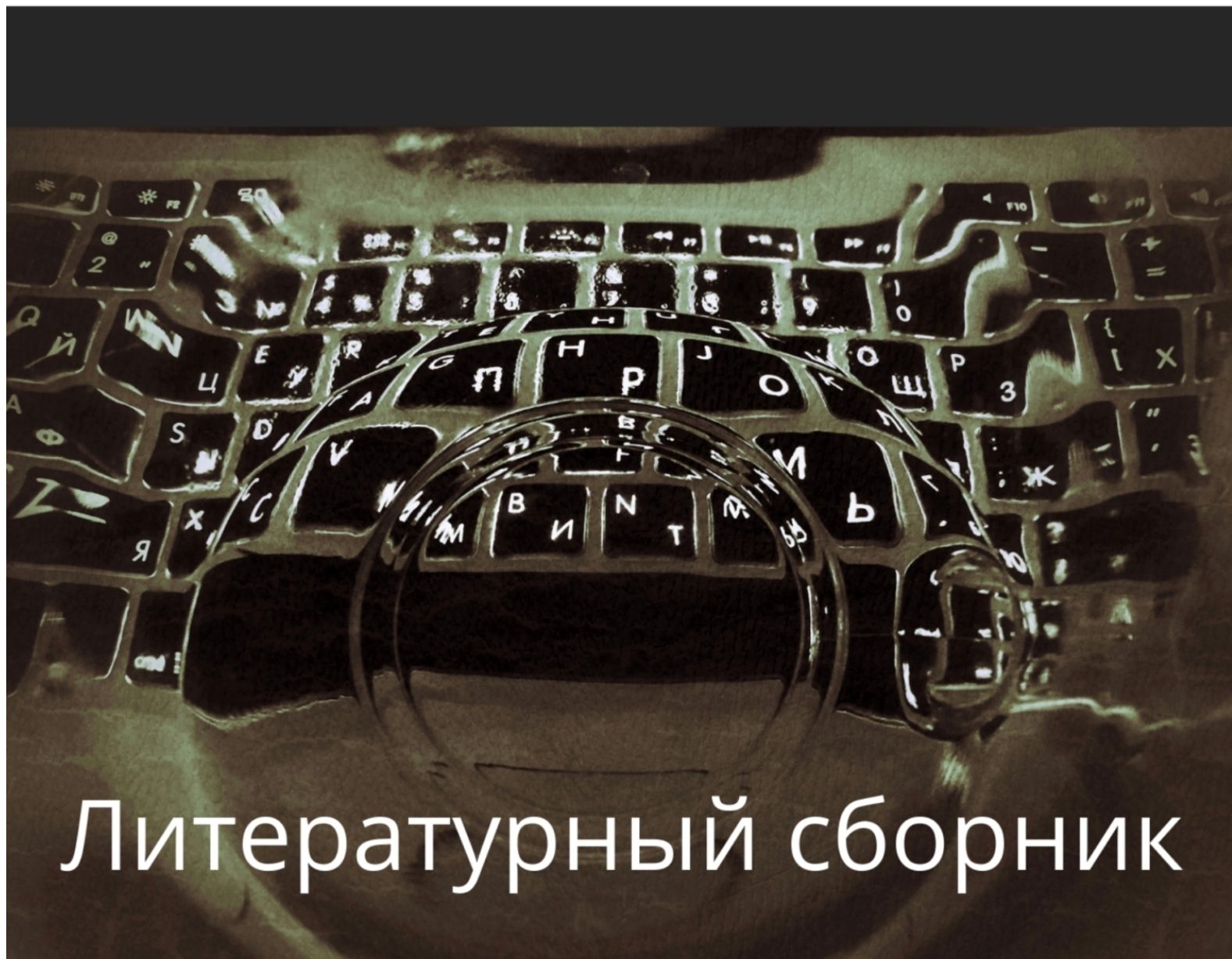

ЭЛЕКТРОННОЕ

Литературный сборник

АЛЁНА ПИРОНКО

Ч Т И В О

16+

АЛЕНА ПИРОНКО
Электронное чтение

«ЛитРес: Самиздат»

2021

ПИРОНКО А.

Электронное чтение / А. ПИРОНКО — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98035-8

В сборник вошли эссе и короткие рассказы. Эссе, давшее название сборнику, поднимает вопросы о прошлом, настоящем и будущем бумажной книги. Почему книги сжигают? Как связаны с книгой пять органов чувств? Сборник дополняют небольшие литературные зарисовки и короткие рассказы. Настоящие жизненные истории, кажущиеся полумистическими ("Ворон", "Нейронные Связи"). Небольшой очерк-воспоминание о детстве в большом областном городе, о первых навыках общения со сверстниками, детский взгляд на взрослую жизнь ("Актриса областного театра"). Чудеса случаются лишь тогда, когда мы их ждем. Что таит в себе обида? Как работает универсальный закон бумеранга? Короткие «женские» рассказы о том, как находишь больше, чем теряешь ("Ночная смена", "Пара серёжек").

ISBN 978-5-532-98035-8

© ПИРОНКО А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Электронное чтение	5
Цифровая или бумажная?	5
Пять органов чувств	6
История книжного холокоста	9
Всемирный писательский зуд и Пирамида Маслоу	14
Творческая свобода за решёткой	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

АЛЕНА ПИРОНКО

Электронное чтение

"Используя генеративные состязательные сети (GAN), мы можем научиться создавать реалистичные поддельные версии практически всего."

<https://thisxdoesnotexist.com/>

Электронное чтение

Цифровая или бумажная?

Недавно в ленте Facebook одной моей френдессы раздался крик о помощи (шуточная орфография автора сохранена):

«Произошел ужОс. В аэропорту ... любимая подруга купила мне книжку Амоса Оза 'A Tale of Love and Darkness'.

Это прекрасная книга. Она мне очень нравится. И я прочла уже 28 страниц. За месяц. Друзья мои, это чудовищно.

- Сколько ни делай характерных движений пальцами, шрифт не становится больше
- На нее надо светить лампой, так как она вообще не подсвечивается
- Там внутри очень много листов, которые надо чем-то прижимать, чтоб они не перелистывались
- Она не запоминает, где я кончила читать

Короче, это реальное страдание. Никто не знает, где взять эту книгу в привычном (электронном) виде? Очень хочется прочесть, а глазки прямо-таки вытекают. Хелп!»

Какая же форма книги нам нужна больше – бумажная или цифровая? Заменит ли цифровая книга традиционную бумажную? История последних двух десятилетий показывает, что эти две формы словесных публикаций успешно дополняют друг друга. Можно, однако, выделить несколько аргументов в пользу неоспоримой живучести и нужности бумажной книги.

Я начну издаleка – из своего детства. Первой «замученной» и самостоятельно зачитанной до полной тpухи книгой в моем детстве была книга Джанни Родари «Чиполлино». О, эти переживания за бедных угнетаемых – сапожника Виноградинку, кума Тыкву, девочку Редисочку и прочих полезных овощей и ягод. Здоровая классовая злость к угнетателям – бессердечным принцу Лимону и его управляющему синьору Помидору – поселились в моей детской душе навсегда. Я брала с книжной полки эту книгу всякий раз, когда мне хотелось поговорить с кем-то из сверстников, и разговаривала с героями. И текст, и картинки отвечали мне на мои вопросы и задавали мне в свою очередь свои. Эта книга до сих пор жива, бережно хранится на самой верхней, недоступной книжной полке, для пущей сохранности. Иногда я достаю её, оглаживаю старый шершавый переплет с отвалившимися углами, перелистываю любимые страницы, вспоминаю детское ощущение времени и пространства, которые были «здесь и всегда», и не было ни прошлого, ни будущего, никаких там, тогда, потом, никогда ...

Пять органов чувств

Полное собрание сочинений

Летние каникулы, когда меня на месяц отправляли к бабушке с дедушкой в рабочий поселок на Урале, – это воспоминания о ночных чтениях во время северных белых ночей. Сначала был прочитан весь Жюль Верн, затем, следующим летом – весь Антон Павлович, а там уже и до Федора Михайловича дело дошло. Шеститомник Пушкина, три тома Мамина-Сибиряка – были перелопачены все ПСС (полные собрания сочинений), собранные бабушкой-дедушкой для любимых подрастающих внуков. С тех самых пор, всякий раз когда я читаю Чехова, меня начинают окружать запахи детства: запах теплого домашнего печенья, доносившийся из бабушкиной кухни, и аромат свежей малины, сорванной с куста в огороде.

Навсегда запомнилась мне удивительная книга со стереоскопическими картинками, для рассматривания которой в бумажный кармашек, прикрепленный к обложке, были вложены картонные очки с разноцветными линзами – книга называлась «Сухумский зоопарк». Спустя 40 лет после издания стерео-книги о зоопарке, в 2012 году интернет-проект «Москва, которой нет» издал бумажный стерео-альбом «Объемное прошлое».

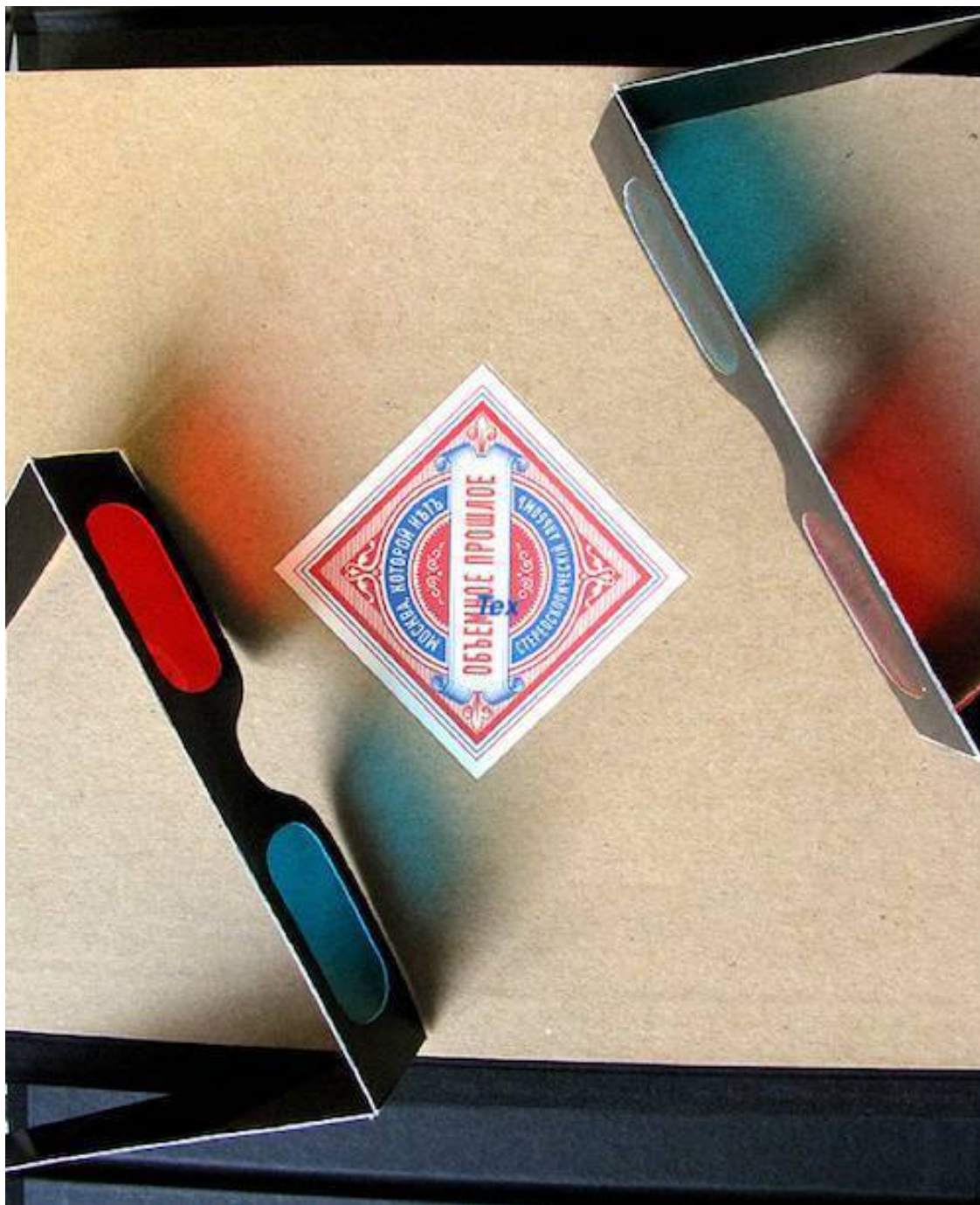

Фото автора

«Сказка о глупом мышонке», которую в детстве мне читал на ночь отец, навсегда связалась в моей памяти с его тембром голоса. Возможно поэтому я не могу воспринимать аудиокниги, даже если они записаны выдающимися актерами: мне не хватает родного отцовского голоса.

Сейчас я осознаю, что бумажная книга входила в меня через все органы чувств – зрение, осязание, обоняние, слух. Исключим «вкус» в его первом, прямом смысле, потому что бумажные страницы я все же не ела, но добавим – в другом смысле: бумажные книги сформировали мой вкус, внимание к деталям оформления, иллюстрациям; даже как часть интерьера, книжная полка стала обязательным атрибутом моего понятия «дом». Часто я ловлю себя на мысли, что, придя в гости в новый дом, ищу взглядом книжную полку, чтобы понять о хозяине или

хозяевах дома что-то еще до того, как завяжется разговор. К сожалению, всё чаще я никакой книжной полки не нахожу.

Интерьер домашней библиотеки, воспроизведенный в одном из ресторанов в Бостоне, фото автора

На нашей книжной полке живут две подарочные книжки небольшого дорожного формата, переводные детективы, привезенные из бизнес-класса самолёта авиакомпании «Трансаэро» – авиакомпании уже нет, а книги и воспоминания о путешествии и перелете – остались!

А как быть с автографами, полученными на незабываемых авторских встречах? В нашей домашней библиотеке есть книги, подписанные авторами, из-за чего они стали для меня бесценными. А книги-фотоальбомы? Большие тяжелые фолианты, которые нужно держать на коленях, перелистывая с почтительной неспешностью, дарящей настоящий Дзен – «здесь и сейчас», а значит – всегда.

Может ли со всем этим конкурировать удобный и практичный цифровой гаджет? Делаящий возможным иметь целую библиотеку у себя в кармане? Наверное может, но зачем? Никакой конкуренции нет, а есть преемственность и «разделение труда» – в этом я уверена.

И еще я убеждена – если мы не будем давать ребенку в детстве читать бумажные книги, дети будут обделены памятью, связанной с восприятием через различные органы чувств. Они могут вырасти в какой-то степени «бесчувственными».

История книжного холокоста

Цифровые книги не горят

Одна из последних книг Владимира Сорокина «Манарага» написана в традиционном для этого автора жанре антиутопии.

Сюжетом «Манараги» являются отношения человечества и книги, вывернутые наизнанку: после Нового Средневековья и Второй исламской революции книги больше не читают. Их бережно хранят за семью замками. Но люди придумывают опасный бизнес: готовить на огне из редких бумажных книг вкуснейшие блюда, используя редкие книги как полена. Необычная профессия главного героя – шефа-подпольщика, романтика, профессионала своего дела, предлагает нам иначе посмотреть на привычные печатные экземпляры книг. Здесь задействован только один из шести органов чувств человека – вкус. Ни зрение, ни слух не нужны новому поколению людей – они не читали книг, и уже никогда не прочтут. Ценность имеет лишь вкус еды, приготовленной на горящем бумажном полене: чем ценнее книжная реликвия, тем вкуснее блюдо, приготовленное на огне, в котором сгорает эта книга. Деликатес – это стейк на огне от первого издания Гоголя.

Роман Сорокина можно прочесть как эпитафию бумажной литературе – и, одновременно, как гимн ее вечной жизни.

Этот роман долго не отпускал меня, приведя к мысли о том, что ничего съедобного не удалось бы приготовить на книгах некоторых популярных авторов. Мало того, задолго до того, как была написана Манарага, я искала случая сесть перед камином и сжечь все книги ЗП (нет, расшифровывать не стану – читатель сможет догадаться, я уверена), купленные когда-то по недоразумению, когда ЗП казался не только «нормальным», но и свежим, оригинальным. Впервые в жизни испытала и продолжаю испытывать такое желание. Останавливает меня лишь то, что у нас дома нет камина. Согласитесь, ведь электронная версия не дает такой возможности, такого удовольствия – церемониального сожжения книг. Можно воспринимать это как шутку, однако помнить, что в каждой шутке, как известно, есть доля шутки.

Интересна история ритуала сожжения книг, которой я не могу не коснуться.

Первой такой библиотечной катастрофой считается сожжение книг в Древнем Китае, в 212 году до н.э. Как говорится, «кто девушку ужинает, тот её и танцует» – китайцы сами изобрели бумагу, сами написали первые книги, сами их и сожгли. Что заставило императора Цинь Ши Хуан сжечь книги? Исследователи-китаисты говорят о том, что побуждения эти диктовались исключительно целями сохранения власти. Ни записанные научные знания, ни законы прежних властителей не должны были затмевать, по мнению императора, Его волю и свет Его знаний. Ирония состоит в том, что вскоре после того как китайский император устроил библиотечное очищение огнём, его династию свергли неграмотные простолюдины.

Позже в Китае книги сжигались уже по совсем иным мотивам. Как ни странно это звучит сейчас, но «книжное знание» отвергалось практиками школы Дзен – влиятельной школы буддизма, сформировавшейся в Китае примерно к V веку. Практики Дзен считали, что просветление необходимо искать не в культовых предметах, не в религиозных символах, а в истинной природе человека, которая и есть «природа Будды». С помощью церемонии сожжения сутр учителя показывали ученикам, что никакие привязанности к предметам культа, к символам и образам, не должны и не могут заменить основной принцип передачи тайных знаний от сердца к сердцу без опоры на письменные знаки.

Считается, что основатель дзэн, Бодхидхарма, просил своих учеников сжигать его тексты, потому что замечал, как ученики «становились рабами слов вместо того, чтобы *практиковать* учение, выраженное словом».

В ранней христианской истории первым известным фактом массового сожжения книги стал сюжет из Деяний Апостола Павла: в 35 году н.э. после проповеди апостола Павла в Эфесе «из занимавшихся чародейством довольно многие, собравши книги свои сожгли пред всеми; и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм». Этот сюжет можно увидеть на картине Гюстава Доре *Illustrationen zur Bibel: Paulus in Ephesus*

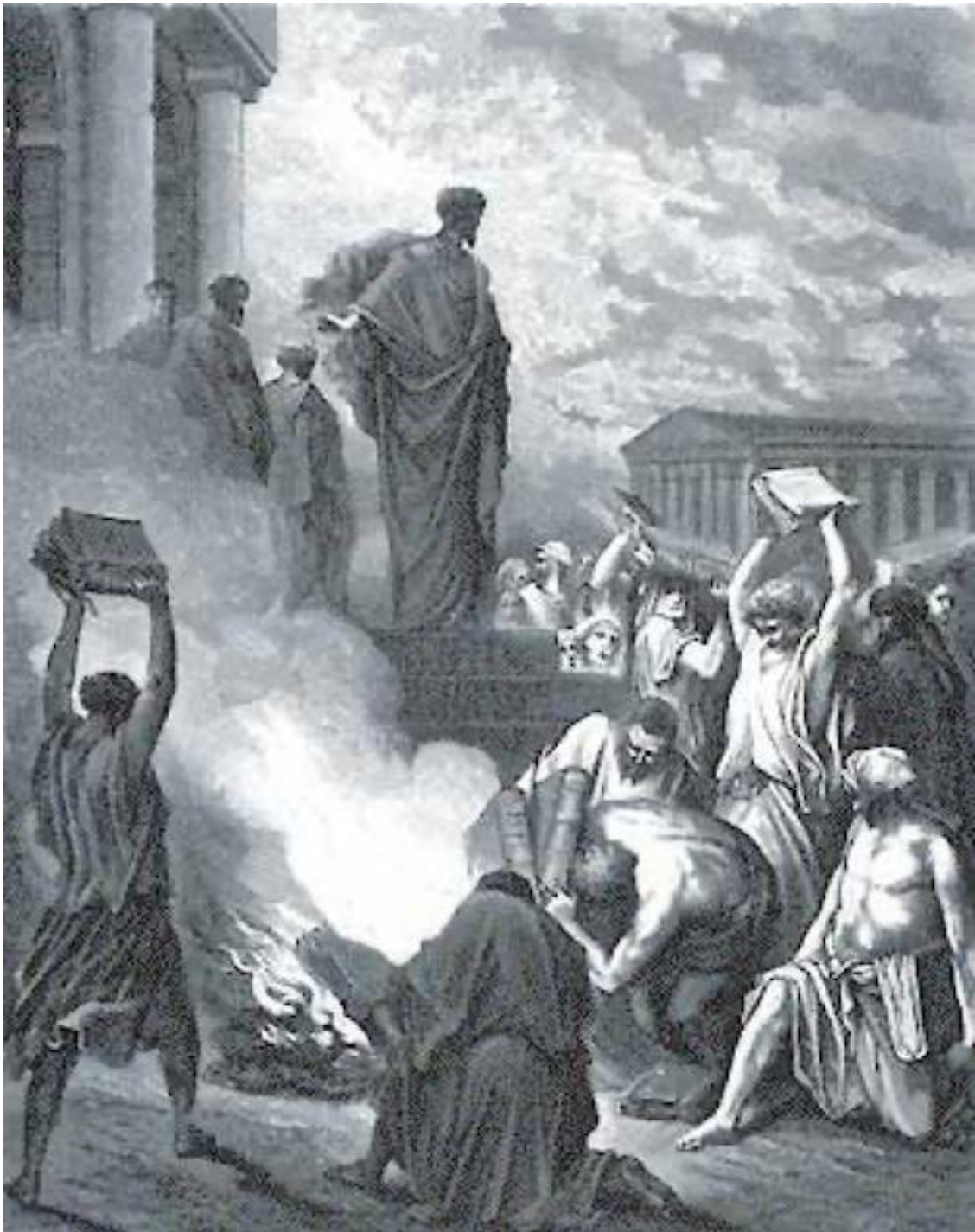

Фото из общедоступного источника *Wikipedia.org*

Дальше – больше. Католическая церковь на протяжении веков устраивала костры, в которых горели копии Талмуда: так, в XVI веке Талмуд сжигали не менее 6 раз. В XV веке в Испании Инквизиция сожгла все арабские манускрипты, к счастью, сделав исключение для медицинских записей. Во Флоренции Савонарола приказывал делать рейды, в ходе которых из домов горожан изымалось все, что не было связано с десятью заповедями, в том числе любые светские книги, чтобы затем сжечь на городской площади – тогда в костер летели не только книги, но и настольные игры, женские предметы ухода за собой, и даже музыкальные инструменты.

Византийский вариант христианства старался не отставать от Западного. В 1284 году в русской «Кормчей книге» (сборнике церковных и светских законов) появляется следующая норма: «Если кто будет еретическое писание у себя держать, и волхованию его веровать, со всеми еретиками да будет проклят, а книги те на голове его сжечь». Как видим, «сжигание на голове его» – новый шаг в развитии книжного холокоста.

В Новой Истории широко известна массовая акция сожжения книг 10 мая 1933 г. в Германии. Сотни студентов, профессоров, штурмовиков СА и СС уничтожили на костре книги «врагов немецкого народа», среди которых оказались Зигмунд Фрейд, Эрих Кестнер, Генрих Манн, Карл Маркс, Стефан Цвейг, Эрнест Хэмингуэй и многие другие. В числе книг, подвергавшихся сожжению, были также творения знаменитого немецкого поэта девятнадцатого века Генриха Гейне, который написал в своей пьесе «Альманзор» ещё в 1821 году знаменитую фразу «Dort, wo man Bücher verbrennt, verbrennt man am Ende auch Menschen»: «Там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей».

Берлин, 10 мая 1933 года. Фото из открытого источника Wikipedia.org

В память о сожжении книг в нацистской Германии на Оперной площади (ныне – Бебельплац) в Берлине был в 1995 открыт памятник работы израильского скульптора Михи Ульманна – библиотека с опустевшими книжными полками, уходящая в пропасть.

Мемориал «Сожжение Книг», фото из открытого источника Wikipedia.org

После поражения Германии в войне союзники в рамках денацификации провели массовое уничтожение нацистской литературы (в том числе полному уничтожению подлежали все школьные учебники времён нацизма).

В начале 2-й Мировой войны эстафету немецких нацистов подхватили румынские: заняв в 1941 году Бессарабию, новая румынская администрация изымала и сжигала из библиотек все книги, написанные не на румынском языке (в том числе на дореформенном русском и европейских языках). Тогда в Кишинёве было сожжено 1 миллион 200 тысяч томов, в Тирасполе – 250 тысяч. В Бельцком уезде румынские войска сожгли 15 вагонов книг.

В «самой свободной стране мира», в США, следуя пуританским традициям, сжигались книги комиксов, видимо, из опасения, что комиксы распространят среди американской молодёжи «моральную развращённость» (1946 год). В 1954 году после публикации книги Фредерика Вертам «Совращение невинных» случаи сожжения комиксов прошли по всей стране. В 2001 году в США минимум 6 раз сжигались книги о Гарри Поттере. В сентябре 2010 года минобороны США скупило и сожгло весь тираж книги «Операция “Тёмное сердце”», написанной бывшим сотрудником разведки Энтони Шеффером.

В 2010 году, в годовщину терактов 11 сентября 2001 года, в США состоялось сожжение священной книги мусульман. Правда, было сожжено не две сотни экземпляров Корана, как намеревался сделать получивший мировую известность пастор-евангелист Терри Джонс, а всего два. Инициативу Джонса подхватили два священника из города Нэшвилл (штат Теннесси). 11 сентября 2010 года они сожгли два экземпляра Корана. 20 марта 2011 года Джонс

всё же сжёг Коран в одной из церквей Флориды, что спровоцировало радикальных исламистов на массовые беспорядки в Афганистане, в результате чего были убиты случайные люди.

В современной России в 2002 году члены молодёжного движения «Идущие вместе» установили муляж унитаза перед зданием Большого Театра, после чего в нём были сожжены специально отпечатанные брошюры выдержками из книг Владимира Сорокина. Акция была связана с постановкой оперы на либретто, написанное Сорокиным. Впрочем, по утверждению авторов акции, книги были не сожжены, а утоплены.

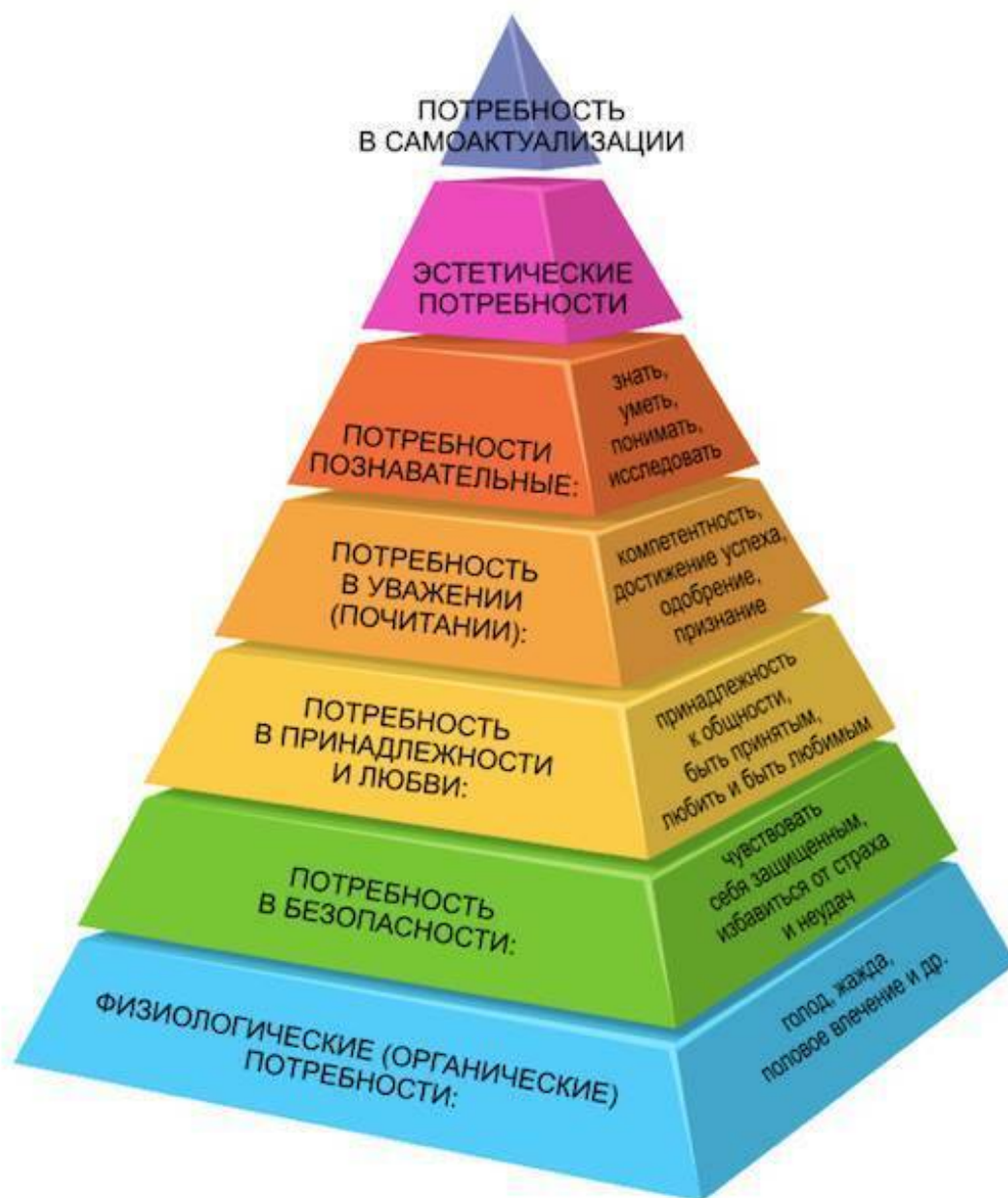
Круг замкнулся: те, кто сжигал произведения Сорокина, стали действующими лицами его романа «Манарага» – теми самыми заказчиками стейков, приготовленных на книжном огне. Костёр тлеет, и, похоже, иссякнет лишь в тогда, когда не станет бумажных книг.

Всемирный писательский зуд и Пирамида Маслоу

Зачем писатели пишут?

В целом, нужно было бы начать с вопроса о том, откуда возникает потребность писать. Откуда в некоторых людях просыпается этот писательский зуд?

Размышления о потребности в творчестве и самовыражении привели меня к Пирамиде Маслоу. Пирамида потребностей – название иерархической модели потребностей человека, составленной американским психологом Абрахамом Маслоу. Потребности Маслоу распределил по мере возрастания, объяснив такое построение тем, что человек не может испытывать потребности высокого уровня, пока нуждается в более примитивных вещах.

Пирамида Маслоу, Wikimedia.commons

В основании – физиология (утоление голода, жажды, сексуальной потребности и т.п.). Ступенью выше разместилась потребность в безопасности, над ней – потребность в привязанности и любви, а также в принадлежности какой-либо социальной группе.

Следующая ступень – потребность в уважении и одобрении, над которой Маслоу поставил познавательные потребности (жажда знаний, желание воспринимать как можно больше информации).

Далее следует потребность в эстетике (жажда гармонизировать жизнь, наполнить её красотой, искусством).

И наконец, последняя ступень пирамиды, наивысшая, – стремление к раскрытию внутреннего потенциала (она и есть самовыражение). Маслоу отмечает, что каждая из потребностей не обязательно должна быть утолена полностью – достаточно частичного насыщения для перехода на следующую ступень.

«Я совершенно убеждён, что человек живет хлебом единым только в условиях, когда хлеба нет, – разъяснял Маслоу. – Но что случается с человеческими стремлениями, когда хлеба вдоволь и желудок всегда полон? Появляются более высокие потребности, и именно они, а не физиологический голод, управляют нашим организмом. По мере удовлетворения одних потребностей возникают другие, все более и более высокие. Так постепенно, шаг за шагом человек приходит к потребности в саморазвитии – наивысшей из них».

Маслоу был убежден, что удовлетворение примитивных физиологических потребностей – основа основ. В его представлении идеальное счастливое общество – это в первую очередь общество сытых людей, не имеющих повода для страха или тревоги. Если человек, например, постоянно испытывает недостаток в еде, вряд ли он будет остро нуждаться в любви. Однако человек, переполненный любовными переживаниями, все равно нуждается в пище, причём регулярно (даже если любовные романы и утверждают обратное). Под сытостью Маслоу подразумевал не только достаточное питание, но и достаточное количество воды, кислорода, сна и секса.

Формы, в которых проявляются потребности, могут быть разными, здесь нет единого стандарта. У каждого из нас свои мотивации и способности. Поэтому, например, потребность в уважении и признании у разных людей может проявляться неодинаково: одному необходимо стать выдающимся политиком и завоевать одобрение большинства своих сограждан, а другому вполне достаточно, чтобы его авторитет признавали его собственные дети. Такой же широкий диапазон в рамках одной и той же потребности можно наблюдать на любой ступени пирамиды, включая первую (физиологические потребности).

Также потребности не находятся в неразрывной последовательности и не имеют фиксированных положений, как это показано на схеме. Такая закономерность имеет место как наиболее устойчивая, но у разных людей взаимное расположение потребностей может варьироваться.

Итак, где же находится творчество, в том числе писательское, на этой пирамиде? Разумеется, на самом верху, скажем мы! Там, где располагаются потребности в самореализации. Однако, не всё и не всегда так очевидно.

Если с идеальной устойчивой формой пирамиды все более-менее ясно и логично, то как быть с не-идеальной по устойчивости пирамидой? А если пирамида и вовсе оказывается перевернутой с устойчивых физиологических ног на неустойчивую творческую голову? Ну, например, мы знаем достаточно много подобных случаев, когда творчество не прекращалось в условиях абсолютного или частичного отсутствия возможности удовлетворить насущные физиологические потребности или потребности в безопасности и защите.

Эти люди долгое время были лишены свободы. Тюрма, лагерь, ссылка. И, тем не менее, несмотря ни на что и вопреки всему они творили. Эти люди, оказавшись в силу целого ряда причин в заточении, не пали духом. В сложных условиях у них открылось второе дыхание.

Творческая свобода за решёткой

Тюремное творчество

Гениальный писатель, знаменитый испанец Мигель де Сервантес,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.